

teilweise abgedruckt od. «verlorengegangen» (vgl. 2666/257; 1431/149), es gibt sehr viele Zeichensetzungsfehler usw.

Die große Zahl der in der Bibliographie in lateinischer Schrift gedruckten Quellen verlangt unbedingt zweiteilige abgesonderte Indizes. Der jetzige kyrillisch-lateinische «Mischindex» ist nur ein Notbehelf (vgl. S. 268 ff.).

Die vorliegende Bibliographie — mit allen ihren Vor- und Nachteilen! — gilt auch als Verzeichnis der finnisch-ugrischen phras. Untersuchungen, die sich meist zerstreut unter verschiedenen thematischen Gruppen befinden. Aus irgendeinem Grunde verwenden die Verfasser eine Einteilung der finnisch-ugrischen Sprachen, die von der traditionellen abweicht. Anstatt der all-gemeingebräuchlichen Klassifikation (= die ostseefinnischen, wolgafinnischen, permischen, ugrischen Sprachen und das Lappische) teilen sie die finnisch-ugrischen Sprachen nur in finnische und ugrische Gruppen ein (S. 116 ff., 160 ff.). Leider sind noch viele wichtige Sprichwörter-sammlungen, Einzeldarstellungen und theoretische Untersuchungen der finnisch-ugrischen Phraseologie den Verfassern entgangen. Einige Beispiele: R. E. Nirvi ja L. Haku-

linen, Suomen kansan sananparsikirja, Porvoo—Helsinki 1952; M. Kuusi, Vanhan kansan sananlaskuviisaukset, Porvoo—Helsinki 1953; M. Kuusi, Suomen kansan vertauksia, Helsinki 1960; P. Pulkkinen, Asyndeettinen rinnastus suomen kielessä, Helsinki 1966 (enthält sehr reichliches mundartliches phras. Material); J. Järviö-Nieminen, Suomalaiset sanomukset. Finnish Wellerisms, Helsinki 1959 u.a.m. Sogar einige Kandidatendissertationen haben die Verfasser noch außer acht gelassen (vgl. И. Савв, О подвидах и функциях эстонских поговорок I, Тарту 1964 (Autoreferat)).

Ungeachtet der obengenannten Unge-nauigkeiten, Lücken usw. haben die Verfasser ein wichtiges Hilfsmittel zusammengestellt, worüber jeder Phraseologe sich nur freuen kann. Wie die Autoren ihren Lesern mitteilen (S. VII), befindet sich schon der dritte Teil ihrer phras. Bibliographie in Vorbereitung, wozu sie um Auskünfte und Vorschläge bitten. Wir wünschen unseren Samarkander Kollegen zu dieser schweren und notwendigen Arbeit viel Erfolg. Hals- und Beinbruch!

FELIKS VÄKK (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1971.3.14>

Т. М. Тихонова, К вопросу о выражении определенности и неопределенности имени в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1970.

11 декабря 1970 года на заседании Ученого совета Института языкознания Академии наук СССР младший научный сотрудник Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР Т. М. Тихонова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «К вопросу о выражении определенности и неопределенности имени в мордовских языках». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор И. С. Галкин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук А. П. Феоктистов (Москва).

Изучение грамматического строя отдельных финно-угорских языков как с точки зрения современного их состояния, так и исторического развития в последние годы в нашей стране заметно оживилось. По ряду финно-угорских языков состав-

лены описательные и исторические грамматики, ведется фронтальное исследование территориальных диалектов, наряду с решением практических вопросов языкового строительства ученые стали глубже вникать в вопросы теории. Теперь уже вряд ли можно встретить языковедческую работу чисто описательного характера без сравнительно-исторического анализа или глубокого теоретического обобщения. Это отрадно: следовательно, советское финно-угроведение шагнуло вперед, кадры его во всех отношениях выросли и получили хорошую отечественную школу. Примером этому может послужить и рецензируемая диссертация, 402 страницы которой посвящены исследованию одного из сложнейших вопросов финно-угорского языкознания — категории определенности и неопределенности в мордовских языках. Сложность рассматриваемого вопроса, как нам

кажется, заключается прежде всего в том, что он непосредственно связан с общелингвистической проблемой артикля. С этой точки зрения правильное решение поставленной диссертанткой задачи внесет определенный вклад не только в финно-угорское языкознание, не говоря уже о мордовском, но и в общее языкознание, и несомненно, принесет практическую пользу в преподавании родного и иностранных языков в мордовских общеобразовательных школах и вузах.

В существующих грамматиках по мордовским языкам и в нескольких статьях по рассматриваемой в диссертации проблеме имеются, как совершенно справедливо отметила диссертантка, лишь общие формулировки об использовании именных и глагольных детерминаторов, затрагиваются только частные вопросы использования показателей того или иного вида, но не выясняются средства выражения определенности и неопределенности, их возникновение и употребление и не дается теоретического обоснования. В этом отношении рецензируемая работа Т. М. Тихоновой выгодно отличается от работ ее предшественников.

Разработку проблемы автор диссертации ведет на материале двух мордовских языков — эрзянского и мокшанского, которыми она, как носитель одного из этих языков, в совершенстве владеет. Диссертанткой собран богатый фактический материал из произведений устного народного творчества, современной мордовской художественной литературы и периодической печати.

Автор не ограничивается мордовскими фактами, по мере необходимости она использует данные родственных (венгерского) и неродственных (немецкого, английского, французского) языков, в которых проблема артикля довольно хорошо изучена. Однако хотелось бы, чтобы диссертантка уделила больше внимания и другим родственным языкам, таким как коми и марийский, где артиклевые функции притяжательных суффиксов достаточно рельефно выражены, например, морд. *ютась январь ковось* 'пошел январь месяц', мар. *январь тылзет эртен кайыш* 'пошел январь-то месяц'.

Диссертация состоит из предисловия, трех глав и заключения. Первая глава

разделена на две части, одна из которых посвящена истории происхождения артикля в мордовских языках, другая дает представление о категории определенности вообще. Во второй главе рассматриваются артиклевые функции объектного спряжения, в третьей — способы выражения неопределенности имени.

В целом диссертация структурно построена правильно: изложение ведется логически последовательно, но не всюду одинаково стройно. Например, третья глава работы фактически состоит из двух частей, хотя они и не выделены отдельными заглавиями, что на наш взгляд, не совсем оправдано, так как многие разделы этих частей можно было бы объединить, ср. «Нулевая форма имени, имеющего в качестве определения прилагательное, причастие (причастную группу), в придаточном предложении» (стр. 307) и «Отражение неопределенности имени существительного формой безобъектного спряжения глагола при наличии в качестве определения: прилагательного, причастия (или причастной группы), придаточного предложения» (стр. 355) и т. д. Тем более, что диссертантка сама пишет о закономерности соответствия форм безобъектного спряжения глагола и нулевой формы при выражении неопределенности в позиции объекта. Эта закономерность прослеживается на большом количестве примеров (стр. 373).

Вряд ли можно полностью согласиться с диссертанткой в том, что в некоторых уральских языках (коми, марийском) в качестве определенного артикля используется притяжательный суффикс 3-го лица, а мордовские языки используют указательные местоимения для образования артиклей (стр. 15). Учитывая, что в коми и марийском языках притяжательные суффиксы 3-го лица по своему происхождению восходят также к указательному местоимению **se*, мы не видим разных источников в образовании мордовского артикля *-св* (< **se*) и притяжательных суффиксов *-ше* (-*же*) и *-ыс* в марийском и коми языках: и в том и другом случаях исторически мы имеем дело с указательными местоимениями. Здесь, видимо, следовало бы говорить не о разных источниках возникновения притяжательных суффиксов и постпозицион-

ного определенного артикля, а, скорее, о степени категориальной обособленности их в разных финно-угорских языках. Отсутствие полной парадигмы в указательном склонении мокшанского языка и некоторых диалектов эрзянского языка наводит автора диссертации на мысль о том, что на незавершенность формирования падежных форм в указательном склонении мокшанского языка повлияло формирование и развитие местных падежей в нем (стр. 23). В связи с этим возникает вопрос: почему в эрзянском языке этот процесс не повлиял на развитие указательного склонения и можно ли объяснить отсутствие определенного артикля в местных падежах развитием последних? На наш взгляд, очевидно, нет. Здесь, по видимому, ответ нужно искать в самом процессе развития указательного склонения в общемордовском языке. По всей вероятности, до разделения общемордовского языка на эрзянский и мокшанский указательное склонение охватило лишь сферу субъектно-объектных падежей, находилось в процессе становления. В эрзянском языке развитие этого процесса завершилось лишь после отделения его от мокшанского, а в последнем оно пошло по пути использования послеложных конструкций, которые имеют гораздо больше возможностей для выражения самых тончайших нюансов локальных значений.

Диссертантка почему-то ни словом не обмолвилась о профессоре Дж. Киекбаеве, который написал ряд статей о категории определенности и неопределенности и ка-

сался финно-угорских, в том числе мордовских, языков, хотя в список использованной литературы включены три его статьи (стр. 379).

Генитивная форма местоимений отнесена к притяжательным местоимениям (ср. *тонь цѣрась* 'твой сын', стр. 119), что, на наш взгляд, совершенно не оправдано, ибо в противном случае с равным основанием можно говорить о притяжательных именах существительных, ср. *Эмельнь кудось* 'дом Эмеля' (стр. 106), однако, мы этого не делаем. Тогда зачем же эту последовательность нарушать в сфере местоимений? В таких случаях, по всей очевидности, было бы правильнее говорить о притяжательном значении генитивной формы местоимений, так как генитив в финно-угорских языках в первую очередь выражает принадлежность одного предмета другому.

Заключительную часть диссертации следовало бы усилить за счет выводов, данных в конце каждого раздела, что помогло бы избежать повторов и сократить объем работы.

Отмеченные недочеты, которые в подобных работах всегда возможны, ничуть не умаляют значения рецензируемой диссертации в целом. Она, несомненно, представляет собой ценное исследование по категории определенности и неопределенности в мордовских языках и вызовет большой интерес среди самого широкого круга языковедов.

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

МЕЖВУЗОВСКИЙ СИМПОЗИУМ О ФРАЗЕОЛОГИЗМЕ И СЛОВЕ

23—26 января 1971 г. в Самарканде состоялся организованный Самаркандским государственным университетом им. Алишера Навои межвузовский симпозиум по теме «Фразеологизм и слово». В его работе участвовали 156 лингвистов из 59 городов, представляющих 66 вузов и научно-исследовательских институтов.

На симпозиуме было заслушано 25 докладов и 75 сообщений, отражающих соотношение фразеологизма и слова на материале языков разных типов. В дискуссии приняло участие 46 языковедов. Обсуждалась одна, но чрезвычайно важная

проблема: установление того, что объединяет фразеологизм и слово и чем эти единицы языка отличаются друг от друга. Доклады, представленные для обсуждения, строились не только на материале родственных или близких по типологии языков, но и языков разных типов.

Работа симпозиума, несомненно, способствовала делу выработки объективных критериев выделения фразеологизмов в потоке речи. Выявлено два аспекта этой проблемы, по которым ведутся исследования фразеологов: 1) сопоставление фразеологической единицы и слова, 2) сопо-